

Ф. И. Булгаков, П.А. Федотов

Павел Андреевич Федотов его произведения

УДК 93
ББК 63.3
Ф11

Ф11 **Ф. И. Булгаков**
Павел Андреевич Федотов его произведения / Ф. И. Булгаков, П.А. Федотов – М.: Книга по Требованию, 2023. – 249 с.

ISBN 978-5-517-96161-7

ISBN 978-5-517-96161-7

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О значеніи П. А. Федотова и объ изданіи его произведеній.

Бытовая живопись въ настоящее время и у насъ, какъ вездѣ, едва ли знаетъ себѣ какіе-либо предѣлы. Ничто человѣческое уже не чуждо жанристу. Онъ изображаетъ драматическіе и комическіе эпизоды, вторгается въ самый разгаръ жизни, почерпая свои сюжеты изъ окружающей дѣйствительности, въ чемъ бы ни проявлялась она, въ радостяхъ и удовольствіяхъ, въ трудѣ и страданіяхъ. Высокое и низменное, исповѣдальня и судбище, балный залъ и больничная контора, будуаръ и школа, мастерская труженика и притонъ биржевыхъ спекулянтовъ, хижина бѣдняка и увеселительный „шато“, дѣтская и кабинетъ ученаго, покойницкая и кладбище, даже скандальная и полицейская хроника—все даетъ пищу новѣйшему жанру. У насъ эта живопись быта и нравовъ получила права гражданства безъ всякой протекціи официальнаго храма искусства. Небезызвѣстно, что наша академія художествъ, всегда оказывавшая особенное покровительство такъ называемой монументальной живописи, сюжетамъ историческимъ, преимущественно миеологическимъ и библейскимъ, не очень давно перестала считать жанръ низкимъ родомъ искусства. И первыя попытки въ этой области, весьма естественно, были очень робки. Венеціановъ (1775—1846), котораго принято называть родоначальникомъ русскаго жанра, писалъ „крѣпостныхъ Венеръ и грацій Вышневолоцкаго уѣзда“ или саптиментальныя сцены, довольствуясь лишь благодушнымъ копированіемъ натуры безъ всякой мысли въ основѣ его. Послѣдователи его также не шли дальше идилличности и сантиментальничанья. Никто изъ нихъ не дерзалъ касаться явленій дѣйствительной жизни, занимающихъ мысль, задѣвающихъ душу, подмѣчать темныя или комичныя несообразности современнаго имъ общества, ставить искусству практическую цѣль — исправлять, назидать, исцѣлять, просвѣтлять жизнь, его животворнымъ вліаніемъ удаляя изъ дѣйствительности все недостойное человѣка. Первымъ, кому посчастливилось именно такъ отнестись къ задачамъ жанриста, былъ Павелъ Андреевичъ Федотовъ (1815—1852), и его въ данномъ случаѣ, какъ художника—бытописателя, вполне позволительно назвать „Гоголемъ русскою живописи“, ибо онъ оживилъ и омолодилъ русскую живопись, которая до него блуждала въ сферахъ безплодія и холода, въ оковахъ условности.

Художническую карьеру П. А. Федотовъ началъ поздно. Тутъ мѣшали ему отчасти служба — десять лѣтъ онъ пробылъ офицеромъ л.-гв. Финляндскаго полка, — а частью его сомнѣнія въ наличности дѣйствительнаго таланта. На самомъ дѣлѣ онъ былъ высокоталантливой артистической натурой, обладавшей дарованіемъ не только къ живописи, но къ литературѣ и музыкѣ. При этой артистической разносторонности онъ отличался выдающимся умомъ и благородной душой. Однако, влеченіе все таки взяло свое. Въ 1844 г. онъ вышелъ въ отставку и посвятилъ себя живописи, являя собою примѣръ рѣдкостнаго трудолюбія и добросовѣстности. Но прежде чѣмъ рѣшиться на это, Федотовъ тщательно провѣрилъ свою пригодность къ дѣлу искусства. Его акварельные рисунки были одобрены многими знатоками. Портреты онъ рисовалъ быстро, и они отличались разительнымъ сходствомъ. Огромная способность къ сочиненію сказывалась въ самомъ легкомъ наброскѣ его. Въ живописи его направленіе опредѣлилось не сразу. Сперва онъ работалъ подъ руководствомъ баталиста профессора Зауервейда, усердно изучалъ анатомію лошади и помышлялъ сдѣлаться живописцемъ военныхъ сценъ. Но уже тогда онъ чаще всего рисовалъ сюжеты нравственно-сатирическіе и воспроизводилъ сцены изъ доступной его наблюдательности общественной жизни Петербурга и Москвы, которую зналъ съ дѣтства, какъ ея уроженецъ и воспитанникъ московскаго кадетскаго корпуса, да и военную живопись онъ понималъ по-своему, и такъ называемыхъ баталическихъ картинъ рисовать никогда не гото-

вился. Его несколько не соблазнили какие-либо эффектные сюжеты. Наблюдательность его стремилась проникнуть как бы в самую глубь души человеческой, останавливаясь перед тьмой, что отсывалось или драматичностью, или комизмом. Какой богатый запас наблюдений в окружавшей его жизни он сумел сделать, это видно по его эскизам и наброскам, напечатанным здесь. Все им подмеченное изображалось с удивительной тонкостью, с простодушным юмором или горьким сарказмом, в характернейших сценах, исполненных тонкой наблюдательности и глубокой прони. Немудрено, что И. А. Крылов, увидевший такие рисунки Фетодова, поощрял его посвящать себя жанру, как и К. П. Брюллов, поближе ознакомившись с работами его, посоветовал тоже. Это и была настоящая область Фетодова. В ней он и нашел свое истинное призвание. В 1847 г. он впервые решился заявить себя перед публикой. На выставку в Академии Художеств появились его две картины — „Свяжий кавалер“ (в каталоге именовалась „Послѣ шушки“) и „Разборчивая невѣста“ („Горбатый жених“), а через год к этим картинам прибавилась третья — „Сватовство маіора“, положившая начало славе автора. Шумный успех „Маіора“ мог вполнѣ разсѣять всякія сомнѣнія П. А. насчетъ недостаточности таланта, и Фетодовъ сталъ работать еще болѣе дѣятельно и усильно. По свидѣтельству его близкихъ людей, онъ работалъ такъ, что даже смотрѣть было страшно — утромъ, вечеромъ, ночью, при лампачѣ, при солпечномъ свѣтѣ, живя въ холодѣ и впроголодь, не давая себѣ ни пощадъ, ни снисхожденія, ни отдыха. Уголь неутомимый и изнуряющій трудъ, при постоянномъ напряженіи мысли и творческой фантазіи, при бѣдности и всякаго рода лишеніяхъ, при заботахъ о любимомъ престарѣломъ отцѣ съ его бѣдной семьей, скоро въ конецъ подорвали крѣпкое здоровье П. А. Весной 1852 г. онъ заболѣлъ душевнымъ недугомъ, а 14 ноябрю того же года его не стало. Такова вкратцѣ художническая карьера этого замѣчательнаго человѣка. Всего 8 лѣтъ онъ спеціально занимался своимъ искусствомъ, а сколько успѣлъ сдѣлать и что могъ бы создать въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, о томъ свидѣтельствуютъ и напечатанный ниже подробный перечень его работъ и зачатковъ художественныхъ мыслей.

Съ подробностями о происхожденіи и развитіи артистическаго призванія этого несравненнаго художника знакомятъ его автобіографическая записка, напечатанная М. П. Погодинымъ въ „Москвитинѣ“ (1853 г.) и „Воспоминаніе“ о цемѣ А. В. Дружинина (напечатано было также въ 1853 г. въ „Современникѣ“ и перепечатано въ „Сочиненія“ этого писателя, VII т.). Не смотря на кажущуюся давность этихъ матеріаловъ, они и по сіе время остаются главными и единственными источниками для характеристики кратковременной, но весьма плодотворной и поучительной карьеры Фетодова, а потому и приводятся ниже — автобіографическая записка цѣликомъ, этою Дружинина въ извлеченіяхъ. Изъ другихъ печатныхъ матеріаловъ заслуживаютъ вниманія: „Нѣсколько словъ о Фетодовѣ“, А. О. въ „Свѣтописѣ“ 1858 г., изъ которыхъ также сдѣлано извлеченіе, статья В. В. Толбина въ „Пантеонѣ“, составленная отчасти на основаніи показаній лицъ, близко знавшихъ Фетодова, и въ самое недавнее время появившіяся „Воспоминанія“ Л. М. Жемчужникова („Артист“ 1893 г., № 3), откуда приведено то, что относится къ душевной болѣзни Фетодова. Все остальное, что появилось въ печати о жизни и дѣятельности П. А., за исключеніемъ обстоятельнаго обзора всѣхъ работъ его, сдѣланнаго А. И. Сомовымъ („Павелъ Андреевичъ Фетодовъ“, Спб., 1878 г.), на повѣрку оказывается лишь перифразомъ показаній самого художника или воспоминаній его друга, Дружинина, если, конечно, не принимать въ расчетъ попадающихся кое-гдѣ въ этихъ компиляціяхъ и статьяхъ критическихъ замѣчаній о произведеніяхъ Фетодова, не всегда оправдываемыхъ обстоятельствами его жизни и нагляднымъ знакомствомъ съ плодами его творчества.

Во всѣхъ отнѣскахъ Фетодова въ особую честь его гению ставится то, что онъ обѣщалъ сдѣлаться русскимъ Гогартомъ. Но, не смотря на всѣ пункты соприкосновенія между нимъ и Гогартомъ, тутъ ясно замѣтна и нѣкоторая разниа, и не въ пользу англійскаго юмориста-карикатуриста. Сходство ограничивается кикъ однородными условіями артистическаго развитія того и другаго, такъ и отличительными чертами артистической дѣятельности обоихъ.

Какъ талантъ и наблюдательность Гогарта развивались уличной жизнью, такъ и Фетодовъ съ успѣхомъ пришелъ тотъ же университетъ (см. его автобіографическую записку и извлеченія изъ „Воспоминанія“ Дружинина). Для своего артистическаго воспитанія оба пользовались портретами, только какъ моделями. Оба на своемъ пути не имѣли другихъ предшественниковъ, кромѣ голландскихъ мастеровъ, терпѣливыхъ и тонкихъ живописцевъ нравовъ и быта. Оба пошли дальше своихъ учителей, внесши въ свои произведенія новый элементъ — дѣйствіе, эмоцію, драматичность. Большое сходство у Фетодова съ Гогартомъ — еще въ трудолюбіи, наблюдательности, въ осмысленномъ отношеніи къ своимъ работамъ.

Но за то Гогарта нельзя причислить къ истиннымъ гениямъ. Онъ не избѣжалъ одного заураднаго злѣужденія, которому нѣрѣдко поддаются лишенные цѣлности таланты и въ искусствѣ, и въ литературѣ. Это — фальшивое почтеніе не столько къ дарованію, какое видишь передъ собой, сколько къ тому роду искусства, въ какомъ упражняется это дарованіе. Какъ Гогартъ, такъ и другіе выдающіеся спеціалисты жанра, заграничные и отчасти русскіе, повинны въ этомъ грѣхѣ, — они пытались прѣоблѣть свои силы въ монументальной живописи, и опыты эти обыкновенно оказывались жалкими и запоздалыми. Такое злѣужденіе было чуждо цѣльной артистической натурѣ Фетодова.

Продолжая сравненіе съ Гогартомъ, позволительно спросить, достойно ли истиннаго художника такъ жадно добиваться отъ парламента исключительнаго закона для охраны своей артистической собственности, какъ дѣлалъ это Гогартъ, или на смертномъ одрѣ въ послѣднемъ прости, обращенномъ къ женѣ, предупредить ее: „не продавать дешевле 500 фунт. стерл. такое-то произведеніе“? Можно ли назвать истинно артистической натурой того регулярнаго труженика, который отдаетъ искусству только извѣстные часы дня съ единственнѣмъ расчетомъ по выгодѣ воспользоваться свѣжестью своихъ силъ. Гогартъ, какъ показываетъ его біографія, никогда не зналъ никакихъ увлеченій, свойственныхъ артистическимъ натурамъ, не

подавался запоем гигантской работы, никогда не предавался оргии творческой силы, не проявлял ни вдохновения, ни каприза. Как не похож на него во всем этом русский жанрист! Фантазия Гогарта была не из блестящих. Он размывает свои персонажи, срисованные с натуры, с заранее предвзятой целью подчеркнуть свою моральную тенденцию. Один критик не даром назвал его „компьютером психологических фактов“. Это и есть, пожалуй, его настоящая профессия, и он остается талантливым рисовальщиком и второстепенным моралистом; как живописец, он даже не занимает определенного места в истории английского искусства. Успех его объясняется тем, что он был предтечей той школы, которая достигла потом полного триумфа. В эпоху, когда эклектицизм в искусстве клонился к своему концу, а романтизм едва заявлял о себе, Гогарт был исключительно реалистом.

Какой целью артистической натуры был наш русский юморист в сравнении с этим английским, какой глубиной и каким удивительным блеском отличалось его творчество, об этом позволяют судить как приводимые в „Воспоминаниях“ Дружинина черты из жизни Федотова, так и целый ряд напечатанных здесь его произведений, где, по справедливому замечанию Дружинина, грядет рядом с энергией, сатира с страстью, сила концепции с истинно фламандским вниманием к подробностям. Федотов тоже был реалистом, но его реализм никогда не впадал в житейскую посредственность и облагораживался чистой нравственной намеренностью, которая равносильна вкусу, и истинно фламандским исполнением своих творений, которое придает жанровым картинам, по мере их устарелости, значение и авторитет картин исторических. Помимо того, все работы нашего гениального жанриста интересны и важны, как яркие светила, озарившие путь к обновлению русской живописи. „Федотов не имел ни учеников, ни непосредственных последователей“, говорят А. И. Сомов. Но он открыл новую, никем до него еще непрочную в русской живописи жилу национальности и сатиры, показал притвор удачной ее разработки и оставил ее в наследие возникающим после него талантам. Не будь Федотова, вряд ли наше искусство обратилось бы так скоро и решительно от школьных, измышленных, чуждых общественного интереса задач к изучению современного быта, к обличению его недостатков, к указанию на светлые стороны русской жизни. Без Федотова еще долго, быть может, не гордилась бы наша художественная школа такими произведениями, каковы труды Перова, Прянишникова, Трутовского, Чернышева, В. Маковского и многих других жанристов. В этом отношении заслуги Федотова и его право на благодарную память потомства огромны“.

В настоящем издании, посвященном П. А. Федотову, впервые собраны в фототипических и авторитетных репродукциях не только произведения его, имеющиеся в общественных хранилищах (в Московском Публичном и Румянцевском музеях, в галерее П. М. Третьякова, в Академии Художеств, в Михайловском дворце), но и все то из его работ, что возможно было добыть из частных коллекций (К. Т. Солдатенкова, А. И. Сомова и А. И. Бегрова). Относительно репродукций с них нельзя умолчать, что лучше передать воспроизведенные оригиналы было бы тем более затруднительно, что некоторые из картин сильно заужали или потрескались, а большинство рисунков Федотова — на простой писчей бумаге, много пострадавшей от времени. Из существенного лишь весьма немногое не могло попасть в эту галерею Федотова, в чем может убедиться каждый, справившись с помещенным ниже списком всех его работ, который раньше был напечатан А. И. Сомовым при его упоминавшемся очерке, и до сих пор не утратил своего значения, ибо те предметы, какие внесены в нем здесь согласно с тем, что в данном случае приведено в известность за последние пятнадцать лет, немногочисленны.

Объяснительный текст к воспроизведенным здесь картинам, акварелям, эскизам и карандашным рисункам принадлежит самому художнику, обладавшему и литературным талантом, явно обнаруживающимся как в его стихотворных опытах, из которых главнейшие напечатаны здесь, так и в обширном ряде метких юмористических и саркастических подписей и диалогов. В этом комментарии слабостей и несообразностей людских нередко видна удивительная гибкость и оригинальность мысли художника. Правда, литературные опыты Федотова не всегда достаточно отделаны, но сам он не придавал им особой важности и не думал печатать их. Когда в Москве картина его „Сватовство маюра“ производила такой же фурор, как и в Петербурге, а объяснительная к ней поэма того же имени в рукописи ходила по рукам и вызвала восторг, Федотов успел ограбить себя от неуместных похвал его литературному дарованию и написал приведенное ниже стихотворение „К моим читателям стихов моих строгим разбирателям“. Литературная скромность его подтверждается и „Стихотворением в альбом“. Тем не менее при издании произведений Федотова нельзя оставить без внимания и литературных опытов его. Помимо того, что они любопытны и по выраженным в них мыслям, и по их нравственному направлению, они нечто неотделимое от личности автора, представляя автобиографический интерес, как выражение настроения души художника или имея непосредственное отношение к картинам его, которые разъясняются этими стихотворениями. В отношении автобиографическом особенно замечательны басни: „Пчела и Цветок“ и „Тень и Солнце“. В первой под видом „Цветка“ нужно разуметь художника, лишенаго средств к полнейшему расцвету его таланта и потому вынужденного прозябать в тени на положении посредственности. Вторую басню можно так понимать: „Тень“ — это обстоятельства, парализующие развитие таланта; в таких высоких сферах, откуда светит благодатное солнце, как бы не существует понятия о тени, которая лишается солнечных лучей, озаряющих все; одиноково, и потому талант, от самого „Солнца“, не встречает себе ни сочувствия, ни помощи против гнетущих его обстоятельств. Ярче трудно выразить взгляд самого художника на безнадёжно роковое положение своего таланта. Кроме стихов юмористических и нравственного содержания, Федотов сочинял пьесы и романы, перекладывал их на музыку и пел своим звучным и приятным

теноромъ, играя или на своей любимой гитарѣ, или на фортепіано. Изъ этихъ музыкальныхъ мотивовъ напечатаны здѣсь: „Душенька“ или „Идеальная любовь“, „Куку“ и „То ли дѣло егеря“.

Въ заключеніе считаю долгомъ заявить о своей глубокой признательности за содѣйствіе выполненію этого изданія. Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Екатерина Михайловна милостиво соизволила разрѣшить снять для настоящаго изданія фотографію съ одного изъ первыхъ и замѣчательнѣйшихъ произведеній Ѳедотова— „Встрѣча великаго князя Михаила Павловича въ лагерѣ л.-гв. Финляндскаго полка“, и съ этой цѣлью акварель изъ Каменностровскаго дворца перемѣщена была въ покои Ея Высочества въ Михайловскомъ дворцѣ. П. М. Третьяковъ и К. Т. Солдатенковъ любезно дозволили сфотографировать находящіяся въ ихъ галлерейхъ картины и рисунки Ѳедотова. При фотографированіи этихъ произведеній, а равно и картинъ, находящихся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеѣ, истинно товарищескую услугу оказали мнѣ Е. Л. Кочетовъ (Русскій Странникъ), своей энергіей добившись возможнаго ускоренія съемки Ѳедотовскихъ работъ въ Москвѣ. Графъ Н. И. Толстой весьма сочувственно отнесся къ этому изданію и далъ возможность украсить его акварелью Ѳедотова, которая оказалась въ альбомѣ рисунковъ, поступившихъ въ бібліотеку академіи художествъ отъ профессора Н. И. Уткина. А. И. Сомовъ съ полной готовностью не только предоставилъ въ мое распоряженіе свою превосходную коллекцію Ѳедотовскихъ рисунковъ, но и обязательно содѣйствовалъ тому, что А. И. Беггровъ любезно согласился на воспроизведеніе своего собранія рисунковъ.

Ѳ. Булаковъ.

П. А. ФЕДOTOVЪ

Съ литографіи портрета изъ «Портретной галлерей Мюнстера».

Автобіографическая записка П. А. Федотова *).

„Павель Андреевич Федотовъ родился въ Москвѣ, у Харитонія въ Огородникахъ; въ Москвѣ же въ корпусѣ былъ кадетомъ. Всего охотнѣе занимался онъ математикою и химією, но въ то же время, въ числѣ нѣсколькихъ, считался способнымъ къ живописи. Въ 1833 году при выпускѣ первымъ въ гвардію, былъ однакожъ отмѣченъ въ рисованьи и черченіи ситуаціонныхъ плановъ лѣнливимъ.

Необходимо подвергаясь всевозможнымъ лишеніямъ и сидя больше дома, пищи для своихъ занятій естественно долженъ былъ искать онъ въ себѣ самомъ. Вѣроятно, уже и парадный, выпускной актъ, съ музыкой, и первая роль, которую онъ игралъ здѣсь, при многочисленномъ собраніи, — пробудили въ ребяческой душѣ сознание собственной силы, а затѣмъ — желаніе дѣйствовать. Поэтому, книги, не могшія доставить этого, оставлены имъ были для карандаша, силу котораго онъ испыталъ еще и въ корпусѣ, гдѣ гордо поправлялъ рисунки другихъ, и за это получалъ булки. За свои же рисунки булокъ получать было не съ кого, и потому они всегда были неокончены, за что и отмѣченъ онъ лѣнливимъ. И вотъ первымъ опытомъ его передразнивать натуру — былъ простой и пустой видъ изъ окна; потомъ карандашъ задѣлъ и прохожихъ. Далѣе, онъ упросилъ одного изъ снисходительныхъ товарищей посидѣть смирно, и срисовалъ его очень похоже; это возбудило охоту посидѣть смирно и въ другихъ, — похоже опять и опять, и вотъ стали уже говорить, что портреты, которые рисуетъ Федотовъ, всегда похожи. Самолюбіе было затронуто, и близкое сосѣдство (на Васильевскомъ острову) между Академіей и л.-гв. Финляндскимъ полкомъ, въ которомъ служилъ Федотовъ, дало ему возможность въ свободные дни ходить на вечерніе классы въ Академію — поучиться.

Дорога сюда открыта всякому. Такимъ образомъ, хотя прерывисто, но съ любовью посѣщалъ Федотовъ рисовальный классъ, познакомился съ художниками, кой-чего понабрался отъ нихъ, накопилъ нѣсколько тетрадокъ разныхъ спелъ изъ обыкновенной жизни, и началъ замышлять сдѣлать пѣлую картину акварелью.

Великій князь Михаилъ Павловичъ, облеженный отъ тяжелой болѣзни, возвратился тогда изъ-заграницы и обходилъ лагерь своихъ любимцевъ-гвардейцевъ, по-отечески. Нестройными, но живописными группами тѣснились вокругъ него гвардейцы, лѣзли на пирамиды, на плечи товарищей, чтобъ увидѣть въ лицо своего

*) Написанная имъ въ 1848 г., въ третьемъ лицѣ, была напечатана М. П. Погодинымъ въ «Москвитяинѣ» 1853 г.

Отца-командира. Добродушное— ура! шапки въ воздухъ, давка, бѣготня— сюжетъ славный!... Онъ задѣлъ за живое на первомъ порывѣ художника, и Фетодовъ съ терпѣніемъ выполнилъ его въ живыхъ лицахъ. Трудъ удостоился быть принятъ виновникомъ торжества, и доставилъ художнику брилліантовый перстень. Этимъ перстнемъ окончательно припечаталось къ душѣ Фетодова художественное самолюбіе.

Но служба должна была идти своимъ порядкомъ, а между тѣмъ, на досугахъ, затѣяна художникомъ другая картина въ лицахъ: Освященіе знаменъ въ обновленномъ (Зимнемъ) дворцѣ. Нѣсколько гг. генераловъ и первый планъ рядовыхъ уже оконченъ; но вотъ командировка, учебная команда,— къ службѣ надобно удвоенное вниманье, и— прощай рисованье!... Но вотъ назначается смотрь; великій князь остался доволенъ— хотя не всѣми; нашему служивому удалось однакожь попасть въ хорошіе, заслужить благоволеніе великаго князя, и отъ завѣдывавшаго командою начальника корп. штаба генераль-адъютанта Петра Фетодовича Веймарна получить увѣреніе, что за наше усердіе, въ случаѣ нужды, дверь его не будетъ заперта ни для кого изъ насъ. На другой же день Фетодовъ отправляется къ доброму начальнику съ начатою картиною, и, ради ея, проситъ выхлопотать ему что-нибудь на рисовальныя удобства.

Веймарнъ назначаетъ ему на другой день явиться съ начатою картиною въ Михайловскій Дворецъ: Фетодовъ явился и представленъ былъ великому князю.

Великій князь удостоилъ его трудъ представить Царю, и Царь рѣшилъ милостивымъ указомъ: удостоить вниманія способности рисующаго офицера,— предоставить ему добровольное право оставить службу и посвятить себя живописи, съ содержаніемъ по 100 р. асс. въ мѣсяць, и потребовать отъ него письменнаго на это отвѣта. Такой милости офицеръ не смѣлъ еще радоваться вполне, не испытавъ себя, постоянно ли его художественное стремленіе, въ состояніи ли онъ будетъ оправдать эту милость, что и заставило его просить годъ или полтора на испытаніе себя въ этомъ отношеніи.

Настѣдникъ Цесаревичъ (покойный Императоръ Александръ Николаевичъ) пожелалъ имѣть работы Фетодова нѣсколько бивуачныхъ спенъ изъ командуемой имъ дивизіи, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, на досугахъ отъ службы, была выполнена Фетодовымъ картинка акварелью: Бивуакъ л.-гв. Павловскаго полка въ лицахъ, а потомъ, еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ— Бивуакъ л.-гв. Гренадерскаго: обѣ удостоились похвалъ его высочества, щедрой награды и благосклоннаго отвѣта на прошеніе,— можетъ ли онъ Фетодовъ воспользоваться общаюною монаршею милостію. Получивъ разрѣшеніе, Фетодовъ вышелъ въ отставку въ январѣ 1844 года, ровно черезъ десять лѣтъ службы.

Дорогу въ рисовальныя классы онъ уже хорошо зналъ. Сверхъ того, думая сдѣлаться баталистомъ, началъ онъ изучать коня, со скелета; но страсть къ нравственно-критическимъ сценамъ изъ обыкновенной жизни, прорывавшаяся въ немъ еще и прежде,— теперь, когда получилъ онъ поощрительный отзывъ и благословеніе на дѣло народнаго правописателя отъ И. А. Крылова,— теперь страсть эта на свободѣ развилась вполне, такъ что профессоръ его Зауервейдъ (баталистъ) нашель не лишнимъ предоставить ученика его собственному влеченію. И тогда-то начали появляться у Фетодова уже сложные эскизы, а черезъ три года этюдныхъ начались пробы писанія въ миниатюрѣ масляными красками. Для практики онъ переписалъ этой манерой портреты почти всѣхъ своихъ знакомыхъ, и потомъ принялся за несложныя картины. Сперва написаль Утро чиновника, получившаго вчера орденъ; трудился надъ ней мѣсяцевъ 9. Потомъ написаль Разборчивую невѣсту, на которую употребилъ времени нѣсколько мѣнѣе, и представилъ ихъ со страхомъ и трепетомъ на судъ Академіи.

Но каково было его удивленіе, когда черезъ нѣсколько дней подходитъ къ нему съ приглашеніемъ отъ Брюллова ученикъ его Баскаковъ, и Фетодовъ, являсь къ Брюллову, встрѣченъ былъ самыми лестными похвалами! Картины были на лицо,— онѣ находились на квартирѣ больного тогда Брюллова, которому кто-то изъ профессоровъ,— кажется, А. Т. Марковъ,— принесъ, какъ что-то стоящее вниманія *).

Между тѣмъ начата уже была картина Женитьба маіора. Совѣтъ Академіи нашель ее стоящею быти обращенной въ программу на званіе академика. Но, по дороговизнѣ матеріальныхъ средствъ въ картинахъ подобнаго рода, какъ-то: лицъ, костюмовъ и всей обстановки до мелочей, которые или берутся на часы съ значительною платою, или покупаются, чтобъ картина была сдѣлана непременно съ натуры,— Академія, зная, что всего этого нельзя имѣть изъ содержанія по 100 р. асс. въ мѣсяць, исходатайствовала Фетодову у президента пособіе въ 700 р. асс. на окончаніе картины, и, по окончаніи ея, признала Фетодова въ званіи академика.— Кто былъ на прошлогодней выставкѣ, тотъ знаетъ вліяніе этихъ картинъ на публику. Вѣроятно, онъ около нихъ не озябъ“.

*) Раньше этого, числясь на службѣ въ Финляндскомъ полку, П. А. Фетодовъ, почувствовавъ влеченіе къ живописи, обратился за совѣтомъ къ К. П. Брюллову. Но тогда нашъ знаменитый художникъ отнесся скептически къ порывамъ молодого гвардейца. «Я хочу посвятить себя живописи» съвавалъ Фетодовъ Брюллову. «Не совѣтъ, отвѣчалъ опытный художникъ, вамъ 26 лѣтъ, поздно пріобрѣтать механику, технику искусства, а безъ нея что же вы сдѣлаете, будь у васъ бездна воображенія и таланта. Двухъ только художниковъ мы знаемъ въ исторіи живописи, которые принялись за краски въ тридцать лѣтъ, и достигли однако цѣли. Но попытайтесь, пожалуй, чего не можетъ твердая воля, постоянство, трудъ!» И Фетодовъ вышелъ въ отставку, открылъ глаза отъ всѣхъ почестей и выгодъ, какіе обнѣщала ему служба, скинулъ эполеты, надѣлъ шарсинный фартукъ, засучилъ рукава, взялъ въ руки палитру и принялся за работу. По свидѣтельству Погодина, («Москвитининъ» 1853 г.), Фетодовъ работалъ, не зная ни дня, ни ночи, въ захоусть, на чердакѣ, подъ слуховымъ окошкомъ, и достигъ того, что заслужилъ похвалы отъ Брюллова.

Изъ Воспоминанія А. В. Дружинина о П. А. Оедотовѣ 1853 *).

Художникъ Павелъ Андреевичъ Оедотовъ, скончавшійся, послѣ тяжелой болѣзни, въ ноябрѣ 1852 года, принадлежитъ къ числу людей, жившихъ и трудившихся не напрасно. Заслуги покойнаго, какъ художника, слишкомъ извѣстны всякому, кто сочувствуетъ русскому искусству; жизнь его есть гѣсьнь героической поэмы, богатая поученіемъ. Эта жизнь, вся отданная высокому и прекрасному, лучше всѣхъ твореній Оедотова. Судьбѣ угодно было прекратить существованіе художника на самой первой ступени заслугъ и извѣстности; только ближайшіе изъ друзей Павла Андреевича могутъ сказать о томъ, какъ слабы, ничтожны были его превосходные начатки передъ тѣми неистощимыми сокровищами, которыя зрѣли въ умѣ его. Только они сознавали съ ясностью, что будущіе труды нашего соотечественника, можетъ быть, превзойдутъ труды сэра Давида Вильки и самого Гогарта. Только имъ передавались проекты будущихъ произведеній, изумительныхъ по мысли, вдохновенно задуманныхъ. Только они по временамъ могли дивиться, глядя на бѣглые очерки, въ которыхъ достоинства, по видимому, самыя противоположныя и несовмѣстныя въ одномъ человѣкѣ, выказывались съ рѣзкостью, приводящею въ изумленіе. Многіе изъ жителей Москвы и Петербурга любили большіе альбомы Оедотова; но немногіе знаютъ, что изъ всего этого альбома только двѣ или три вещи нравились самому художнику, между тѣмъ какъ другое, несравненно прекраснѣйшее собраніе будущихъ картинъ существовало въ головѣ его. Многіе ли изъ почитателей его таланта видѣли хотя часть его эскизовъ или побрежныхъ трудовъ, гдѣ грація шла рядомъ съ энергіею, сатира съ страстью, сила концепціи съ истинно фламандскимъ вниманіемъ къ подробностямъ? Если кто нибудь изъ нихъ и дѣлалъ предположенія насчетъ того, какимъ блескомъ должна была въ скоромъ времени озариться художническая карьера Оедотова, такіа предположенія все-таки не могли подходить къ истинѣ. Какъ геніальный полководецъ, посреди глубокой тишины окружившій непріятели, стянувшій всѣ свои силы, изучившій каждый шагъ боевой мѣстности, нашъ художникъ выжидалъ только часа для победы. Судьбѣ не угодно было дать ему этого часа, чтобъ сдѣлать его побѣдителемъ. И полководецъ остался извѣстенъ только по авангарднымъ дѣламъ — и художникъ подарилъ насъ одними начинаніями. Еще бы годъ! еще бы хотя нѣсколько мѣсяцевъ!

Такъ прервана безвременно была дѣятельность Оедотова какъ художника по жизни его намъ осталась какъ нѣчто оконченное и цѣлое, къ которому нечего прибавлять, изъ котораго нельзя выбросить одной страницы. Постараемся же изобразить эту жизнь, такъ, какъ мы ее понимаемъ, безъ фразъ и излишнихъ подробностей, но съ горячей любовью къ памяти покойнаго. Мы не гонимся ни за полнотой очерка, ни за хронологическимъ порядкомъ, ни за правильностью изложения: намъ хочется только изобразить личность нашего талантливаго друга, такъ, какъ мы собственно ее понимали, такъ, какъ она представлялась намъ въ теченіе долгаго знакомства, ни разу не охлажденнаго малѣйшей размолвкой, малѣйшимъ неудовольствіемъ.

Павелъ Андреевичъ Оедотовъ родился въ Москвѣ, отъ весьма небогатыхъ родителей.

„Отецъ мой — рассказывалъ онъ — былъ воиномъ Екатерининскихъ временъ, рѣдко говорившимъ о своихъ походахъ, но выдавшимъ много на своемъ вѣку. Разказовъ его нельзя было слушать безъ особеннаго чувства: такъ отдаленно казалось время, къ которому они относились, такъ изумительны оказывались лица и герои, имъ упоминаемые. Женатъ онъ былъ два раза: въ первый — на плѣнной турчанкѣ, во второй — на моей матери. Большое наше семейство помѣщалось въ небольшомъ домикѣ, и жили мы очень бѣдно; но пока отецъ могъ служить, нужды особенной мы не испытывали. Старикъ былъ очень строгъ по службѣ, и часто, когда онъ возвращался домой изъ должности, за нимъ шель сторожъ съ одной, а иногда съ двумя парами сапоговъ въ рукахъ. Сапоги эти, перевязанные бичковкой, кажется, съ печатью около узла, принадлежали нерадивымъ или петревымъ писцамъ; снятые за наказаніе, они оставались въ нашей квартирѣ до утра и потомъ уже возвращались провинившимся. Честностью обладалъ онъ безмѣрно; но она, какъ у многихъ

*) Напечатано въ полномъ собраніи «Сочиненій» А. В. Дружинина, т. VII.

честных стариков, перенесших многое в жизни, облечена была в формы суровья, жесткия, угловатая. Я помню, как одинъ разъ, замѣтивъ, что одинъ изъ его родственниковъ щеголяетъ какими-то дорогими вещами, отецъ сталъ упрекать его такъ угрюмо и рѣзко, что бѣдный обладатель небольшого сокровища заплакалъ. Я думаю, что упрекъ отца былъ неоснователенъ, осуждаю его подозрительность, а совѣтъ тѣмъ не могу не удивляться этой неумолимой врожденной ему правдивости. Еслибъ я могъ рассказать вамъ, при какихъ обстоятельствахъ произошла упомянутая размолвка, вы бы еще вѣрнѣе раздѣлили мои чувства.

Зима обыкновенно проходила довольно печально; но лѣто для насъ, дѣтей, было золотымъ временемъ года. Отдаленныя улицы Москвы и теперь еще сохраняютъ колоритъ довольно сельскій, а въ то время онѣ были почти то же, что деревня. Любимымъ мѣстомъ нашихъ игръ былъ сѣнникъ, гдѣ можно было не только вдолгъ развиться съ другими ребятишками, но откуда, сверху, открывался видъ на соседніе дворы, а всѣ сцены, на нихъ происходившія, оказывались передъ глазами наблюдателя какъ на блюдечкѣ. Сколько я могу дать себѣ отчетъ въ настоящее время, способностью находить наслажденіе въ созерцательныхъ занятіяхъ обязалъ я сѣннику, или, скорѣе, верхней его части. Жизнь небогатаго, даже, попросту, бѣднаго дитяти обильна разнообразіемъ, которое почти недоступно ребенку изъ достаточнаго семейства,—ребенку, развивающемуся въ тѣсномъ кругу изъ своихъ родителей, гувернантки да двухъ-трехъ друзей дома—особь по большей части благовоспитанныхъ, стало быть, не имѣющихъ ничего особенно дѣйствующаго на дѣтскую фантазію. Возьмите теперь мое дѣтство: я всякій день видѣлъ десятки народа самаго разнохарактернаго, живописнаго и сверхъ всего этого сближеннаго со мною. Наша многочисленная родня, какъ вы можете догадываться, состояла изъ людей простыхъ, неуглаженныхъ свѣтскою жизнью; наша прислуга составляла часть семейства, болтала передо мной и являлась на распашку; сосѣди были все люди знакомые; съ ихъ дѣтьми я сходилъ не на дѣтскихъ вечерахъ, а на сѣнникѣ или въ огородѣ; мы дружились, сеорились и дрались иногда, какъ намъ только того хотѣлось. Представители разныхъ сословій встрѣчались на каждомъ шагу—и у тетусекъ, и у кумы отца, и у приходского священника, и около сѣнника, и на соседнихъ дворахъ. Все, что вы видите на моихъ картинкахъ (кромѣ офицеровъ, гвардейскихъ солдатъ и нарядныхъ дамъ), было видѣно и даже отчасти обсуждено во время моего дѣтства: это я заключаю какъ по воспоминаніямъ, такъ и потому, что, набрасывая большую часть моихъ вещей, я почему-то представлялъ мѣсто дѣйствія непременно въ Москвѣ. Быть московскаго купечества мнѣ несравненно знакомѣе, чѣмъ быть купцовъ въ Петербургѣ; рисуя фигуры добрыхъ старухъ служителей, дядей, ключницъ или кухарокъ, я, самъ не знаю почему, переношу мыслью въ Москву... Сила дѣтскихъ впечатлѣній, запасъ наблюденій, сдѣланныхъ мною при самомъ началѣ моей жизни, составляютъ, если будетъ позволено такъ выразиться, основной фондъ моего дарованія⁴.

Понятно, что у ребенка, способнаго развиваться такимъ образомъ, умственные качества не могли назваться обыкновенными. И точно: маленькій Федотовъ, безъ всякихъ предварительныхъ познаній поступивъ въ Московскій Кадетскій Корпусъ, въ скоромъ времени обратилъ на себя вниманіе и начальниковъ и товарищей, а при выпускѣ оказался первымъ ученикомъ⁵). Имя его, какъ отличнѣйшаго воспитанника, изображено, по обычаю, существующему въ нашихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, на мраморной доскѣ, въ одной изъ залъ Корпуса. Изрѣдка вспоминая о годахъ своей ученической жизни, Павелъ Андреечъ сообщалъ нѣсколько фактовъ, величественныхъ занимательности. Память его—сказывалъ онъ мнѣ—была такова, что всякая страница, прочитанная имъ въ то время, по нѣскольку дней будто носилась передъ его глазами. „Если на экзаменѣ или при повтореніи уроковъ мнѣ случалось запоминать ту или другую подробность, одну или двѣ учительскія фразы (въ то время еще учениковъ не убѣждали отвѣчать своими словами), мнѣ стоило только закрыть глаза на минуту, и все забытое, будто откуда-то выпрыгнувъ, являлось передо мной какъ написанное на бумагѣ. Эта способность длилась еще нѣсколько лѣтъ послѣ моего выпуска; впоследствии память стала слабѣть: въ томъ я убѣдился очень хорошо, однажды рассказавъ моему пріятелю *** исторію, уже слышанную имъ, и слышанную отъ меня же. Если кто нибудь при васъ будетъ рассказывать во второй разъ какой нибудь анекдотъ или свое приключеніе, будьте увѣрены, что память рассказчика слабѣетъ, а самъ онъ близится къ старости“⁶.

Сверхъ своей завидной способности легко запоминать все прочитанное и слышанное, Павелъ Андреечъ умѣлъ привязываться ко всякой наукѣ, украшая необходимую сухость ея посредствомъ процесса своей могучей фантазіи. Для него исторія была рядомъ драматическихъ сценъ „въ костюмахъ и съ приличною обстановкою“; географія переносила его подъ чужое небо, къ чудесамъ чуждой нашему краю растительности: „когда я, маленький—говорилъ онъ—глядѣлъ на ландкарту, около меня будто бродили львы, крокодилы и удавы“; слушая военныя науки, онъ присутствовалъ при движеніи войскъ, тяжкихъ бояхъ, осаждавъ крѣпости и выдерживалъ приступы, математика вообще и особенно тригонометрія наполняли его умъ удивленіемъ къ чудесамъ, на которыя способенъ умъ человѣка. Рисовать онъ любилъ чрезвычайно и еще въ первые годы своего воспитанія дошелъ до возможности дѣлать весьма схожіе портреты своихъ учителей и товарищей; но музыку онъ любилъ больше живописи. Осьмнадцати лѣтъ Федотовъ покинулъ школьныя занятія и, какъ первый воспитанникъ, выпущенъ былъ лейбъ-гвардіи въ Финляндскій полкъ прапорщикомъ. Съ этой эпохи трудъ нашъ становится легче, ибо личныя воспоминанія выступаютъ впередъ: знакомство мое съ Павломъ Андреечемъ произошло на третій или на четвертый годъ его пребыванія въ полку, гдѣ мои два брата были въ то время его товарищами.

Мое первое свиданіе съ Федотовымъ произошло въ 1838 году. Павлу Андреечу было тогда 23 года, а мнѣ 12—13. Не смотря на значительную разницу въ лѣтахъ, я съ первыхъ же дней почувствовалъ симпатію

⁴) Въ Корпусѣ Федотовъ поступилъ въ 1826 году, имѣя отъ роду около десяти лѣтъ. Черезъ четыре года, за отличіе въ наукахъ и поведеніе, сдѣланъ онъ былъ унтеръ-офицеромъ, а еще черезъ два года, въ 1832 г.—фельдфебелемъ.

къ нашему будущему художнику, тогда еще молоденькому и красивому офицеру, съ розовыми щеками, свѣтлыми глазами и маленькими темными усами.

Великая терпимость Фетодова, а еще болѣе его жадность къ людямъ, его вѣчная охота имѣть передъ собою новые предметы для наблюдений, дѣлала наши сношенія весьма пріятными. Всякому извѣстно, какъ утомительно для взрослыхъ людей общество ребятишекъ; если же эти ребятишки находятся въ странномъ и переходномъ возрастѣ 13-ти, 14-ти или 15-ти-лѣтнемъ, ихъ компанія дѣлается чѣмъ-то совершенно нестерпимымъ. Но Павелъ Андреичъ сумѣлъ сдѣлаться пріятелемъ моимъ и моихъ сверстниковъ: мы вѣчно ждали его посѣщеній, какъ подарка, потому что онъ рисовалъ намъ картинки, рассказывалъ разныя исторіи и насколько не тяготился нашей бесѣдой. Будто сочувствуя всемъ возрастамъ человѣка, онъ былъ совершенно одинаковъ и съ дѣтьми и со стариками и, всегда оставаясь простымъ и откровеннымъ, умѣлъ нравиться и тѣмъ и другимъ. Одивъ разъ я помню, какъ онъ рассказывалъ мнѣ и моему 15-ти-лѣтнему другу о наслажденіи, которое онъ испытывалъ, посвящая иной свободный день гулянью по отдаленнымъ частямъ города, безъ всякой цѣли, заговаривая съ простымъ народомъ, обѣдая въ подземныхъ тавернахъ, по часу застываясь подъ освѣщенными окнами незнакомыхъ домовъ и наблюдая какую нибудь иногда забавную, иногда граціозную семейную сцену. Говоря обо всемъ этомъ, Фетодовъ ни слова не упоминалъ о прелестяхъ наблюдательности, о пользѣ изученія нравовъ, не вдавался ни въ какія, намъ недоступныя обобщенія: онъ просто рисовалъ передъ нами рядъ живыхъ сценъ, и мы понимали его и сами создавали пріятность свободного дня, посвященнаго такимъ занятіямъ.

Въ это время Павелъ Андреичъ уже ходилъ по вечерамъ въ Академію *), рисовалъ носы, ножки, уши и руки, имѣлъ нѣкоторыя знакомства между художниками, часто бывалъ въ Эрмитажѣ и возвращался оттуда въ восторженномъ настроеніи. Теньеръ и фанъ-Остадъ были его любимцами. Нельзя было безъ хохота слушать его рассказовъ о содержаніи той или другой картины этихъ мастеровъ: зоркій глазъ его мастерски подмѣялъ все особенно комическое, все болѣе доступное жеманностямъ цѣнителямъ живописи. Раза два мы были въ Эрмитажѣ съ нимъ вмѣстѣ, и всякій разъ онъ, такъ сказать, двумя-тремя словами приковывалъ все мое вниманіе къ той или иной изъ своихъ любимыхъ вещей.

— Глядите-ка, глядите сюда, говорилъ онъ, подходя къ большому изображенію одной изъ фламандскихъ пирушекъ Теньера:—вонъ смотрите, какъ хозяйка выгоняетъ метлой буяна. Ему хочется назадъ... полюбуется, полюбуется: онъ такъ и удираетъ! А здѣсь (картина изображала народную пляску), смотрите, какъ вотъ тотъ плясунъ поднималъ свою толстуху и подбросилъ ее на воздухъ! Какъ всѣ веселятся, и какія рожи довольныя! Самому такъ весело становится! Вспомните объ этихъ картинахъ завтра утромъ: вамъ покажется, что вы будто сами плясали съ этими красными толстяками! Повѣряйте всегда впечатлѣніе, на васъ сдѣланное картиной, проснувшись по утру. Нужно, чтобъ воспоминаніе о ней, такъ сказать, сливалось съ вашей настоящей жизнью.

Собственно о художественныхъ начинаніяхъ Фетодова въ то время я не могу сказать многого. Масляными красками рисовать онъ не пробовалъ, вещей большого объема и съ многочисленными фигурами почти никогда не дѣлалъ, постоянно оставаясь недовольнымъ ихъ компановкою. Но уже портреты его отличались разительнѣйшимъ сходствомъ, такъ что продавцы картинъ и эстамповъ выпрашивали у Фетодова какъ можно болѣе экземпляровъ имъ рисованнаго портрета въ Бозѣ почившаго Великаго Князя Михаила Павловича, считая его лучшимъ изъ всѣхъ портретовъ, у нихъ продававшихся **). Всѣ лица, знакомыя Павлу Андреичу, были перерисованы по нѣскольку разъ, во всѣхъ видахъ, и онъ набилъ свою руку до того, что могъ шутя, одною чертою, изобразить того или другого изъ своихъ пріятелей, товарищей и начальниковъ.

Нѣкоторыя изъ картинокъ, отдѣланныхъ съ особеннымъ тщаніемъ, поступали въ особый альбомъ, хранившійся у Павла Андреича. Въ этомъ же альбомѣ помѣщены были очерки, въ которыхъ довольно ясно обозначилось будущее направленіе покойнаго художника. Такъ, напримѣръ, я помню одну вещицу, чрезвычайно характеристическую въ этомъ отношеніи. Молодая, чисто одѣтая женщина, съ блѣднымъ, благороднымъ и испуганнымъ лицомъ, ведетъ подъ руку по улицѣ, мимо насмѣшливыхъ зѣвакъ, своего мужа, приведеннаго, вслѣдствіе сильной дружеской попойки, въ положеніе жалкое и унижительное. Если не ошибаюсь, самъ Гогартъ не отказался бы отъ такого сюжета; такъ онъ полонъ мысли, драматизма и цѣлительной сатиры, переходящей въ поученіе нравовъ.

*) «Во время занятій Фетодова въ Академіи, онъ искалъ совѣтовъ у старшихъ и младшихъ, менѣе его опытныхъ товарищей по ученію, выслушивалъ сужденія и мысли каждаго, извлекая изъ нихъ пользу для своихъ будущихъ работъ, которыхъ характеромъ были юморъ, разительно выраженный, ясное выполненіе сюжетовъ, вѣрное выраженіе чувствъ и страстей, долженствовавшихъ одушевлять лица, имъ изображаемыя, и наконецъ окончательность въ отдѣлкѣ какъ фигуръ, такъ и посторонностей. Кисть его была пріятна, эффектъ правдивый и усиленный, но естественный. Вслѣдствіи Фетодовъ сталъ въ рядъ весьма замѣчательныхъ отечественныхъ талантовъ, особенно въ своемъ родѣ, въ которомъ не имѣлъ предшественниковъ. Взгляды глубокій на природу и человѣка, желаніе выставить его слабую и достойную осмѣянія сторону, средствами искусства, отмѣчали его произведенія. Онъ былъ бы нашъ Гогартъ, художникъ-исполнитель, обѣщавшій пойти далѣе этого знаменитаго англійскаго живописца». (Изъ свѣдѣній, доставленныхъ изъ Императорской Академіи Художествъ).

**) Этихъ портретовъ Фетодовъ нарисовалъ до двадцати, водяными красками на осмущенной вощеной бумагѣ. Каждый портретъ тотчасъ же поступалъ въ магазинъ Дацаро и по большей части продавался въ тотъ же день. Нѣсколько экземпляровъ портрета мнѣ случилось еще недавно встрѣтить въ Петербургѣ. Такъ какъ и теперь не всякій изъ купившихъ знаетъ, вѣкъ портретъ сдѣланъ, то я замѣчу, что внизу нѣсколькихъ портретовъ изъ числа встрѣченныхъ мною стоятъ буквы П. и Ф. Великій Князь изображенъ въ профиль, на иныкъ—въ гвардейскомъ мундирѣ, на другіихъ—въ мундирѣ военно-учебныхъ заведеній.

Со дня поступления моего в полк, где служил Федотов, прежнее знакомство возобновилось и продолжалось, не смотря на все перемѣны въ нашихъ занятіяхъ, до самой смерти Павла Андреича. Первое наше свиданіе по службѣ происходило въ концѣ августа 1843 года. Федотовъ тогда жилъ въ казармахъ л.-гв. Финляндскаго полка, въ двухъ комнатахъ надъ адъютантской квартирой. Комнаты эти убраны были довольно мило какой-то мебелью изъ бѣлаго дерева, гипсовые головки, носы, ноги и руки висѣли на стѣнахъ; у дверей стояла черная доска, какія обыкновенно ставятся въ училищахъ для черченія мѣломъ. На диванѣ лежала гитара съ фаготомъ и еще какой-то раздвижной инструментъ въ родѣ флейты. На полу, на этажеркѣ и около стола разбросаны были книги: въ изобиліи валялись Винкельманъ, Пушкинъ и англійскія учебныя книжечки. По книжной части въ квартирѣ Федотова всегда можно было найти что нибудь необыкновенное: или томъ Кантеттира, или какой нибудь журналъ екатерининскихъ временъ, или „Почту Духовъ“, или разрозненный томъ старыхъ мемуаровъ на французскомъ языкѣ, или какую нибудь рукописную поэму. Хозяйство Федотова находилось въ вѣдѣніи его служителя, Аркадія Коршунова, который жилъ при немъ до самой смерти своего барина, любилъ его съ рѣдкой нѣжностью и отошелъ послѣднимъ отъ могилы своего обожаемаго барина и друга*).

Федотовъ принялъ меня очень ласково и спросилъ: перезнакомился ли я съ офицерами? а узнавъ, что уже все визиты кончены, далъ мнѣ въ руки свой альбомъ, сказавъ: „теперь онъ будетъ для васъ понятнѣе“. На вопросъ мой о томъ, не обижается ли нѣкоторые изъ лицъ, выведенныхъ имъ въ нѣсколько каррикатурномъ видѣ, онъ сказалъ, что изъ всѣхъ товарищей только одинъ принялъ шутку къ сердцу, да и тотъ старается не показывать. На черной доскѣ нѣсколькими штрихами набросаны были разныя сцены изъ тогдашней его жизни и кромѣ того тянулся цѣлый рядъ рисунковъ самаго страннаго содержанія: на одномъ изъ нихъ офицеръ въ костюмѣ славянскаго витязя, поражалъ копьемъ голову одного англичанина; голова, падая, открывала подъ собой колоду картъ. Потомъ то же лицо въ античномъ костюмѣ, то есть безъ всякихъ одеждъ, лежало мертвымъ на диванѣ, и около него толпились другія знакомыя лица съ гитарами, лирами и балабайками. Федотовъ объяснилъ, что это сцена „Руслана и Людмилы“, имъ передѣланной, послѣ чего, взявъ гитару, спѣлъ нѣсколько забавныхъ арій изъ этой оперы. Въ то время онъ много занимался музыкой, и голосъ его, сильный, звучный, нуждался только въ достаточной обработкѣ.

Мысль о томъ, чтобы, оставивъ службу, окончательно посвятить себя живописи, начинала уже въ то время занимать Федотова; но все его стремленія не получили еще достаточной опредѣленности. Его тянуло въ разныя стороны, онъ еще не успѣлъ предаться всей душой тому роду искусства, который долженъ былъ составить его славу. Ему нравилась и баталическая живопись, и портретная и историческая; сверхъ того, онъ страстно любилъ музыку, читалъ все, что попадалось подъ руки, да и чины шли хорошо, такъ что кидать извѣстное для неизвѣстнаго могло показаться дурнымъ расчетомъ. Потомъ Павелъ Андреичъ былъ очень привязанъ къ своимъ товарищамъ, между тѣмъ какъ самая служба и образъ жизни доставляли обильную пищу его наблюдательности. И нужно сказать правду, пребываніе Федотова въ л.-гв. Финляндскомъ полку во многомъ способствовало тому настрою (слово, которое часто употреблялъ покойный), который впоследствии отразился въ его произведеніяхъ. Особы, незнакомыя съ военной жизнью, по всей вѣроятности, не знаютъ, какой обильный источникъ для наблюденія во всѣхъ родахъ представляетъ хорошо устроенный и хорошо составленный полкъ, особенно полкъ егерскій, то есть сформированный изъ народа молодого, бойкаго, шутиваго и расторопнаго. Сотни типовъ, самыхъ оригинальныхъ, неподмѣченныхъ и никѣмъ неописанныхъ, сами просятся на глаза наблюдателю, привязываютъ его къ себѣ, врѣзываются въ память и помнятся на вѣчныя времена. Федотовъ, еслибъ захотѣлъ, могъ быть первымъ нашимъ живописцемъ по части военныхъ сценъ, сверхъ своего таланта, онъ имѣлъ то преимущество надъ другими художниками, что самъ служилъ, самъ командовалъ ротой, вникалъ въ солдатскій образъ жизни и, по своему выраженію, „любилъ солдатика“. При разборѣ вещей, оставшихся послѣ Павла Андреича, вѣроятно, отыщется маленькій эскизъ подъ названіемъ: „Прибытіе стараго гренадера Дворцовой Роты въ свою бывшую роту Финляндскаго полка“. Этотъ рисунокъ—совершенство въ своемъ родѣ, потому что онъ простъ и правдивъ; въ немъ вы видите десятокъ военныхъ типовъ безъ всякихъ украшеній. Бывшій фельдфебель роты, взятый въ дворцовые гренадеры, является къ прежнимъ товарищамъ въ гости, старые солдатики его привѣтствуютъ и подчуютъ табаккомъ; является маленькій флейщикъ, котораго старикъ вѣрно баловалъ прежде; ротная собака**) прыгаетъ отъ радости и ласкается къ узанному ея посѣтителю. Въ глубинѣ ротной залы обычныя занятія идутъ своимъ чередомъ: рекруты маршируютъ подъ надзоромъ дядекъ; цырульникъ, бредущій егеря, засматривается на гостя; одинъ солдатикъ спитъ, другой угощаетъ родныхъ, третій любезничаетъ, четвертый подаетъ мило-стыню нищему, пятый чинитъ сапоги, шестой покупаетъ теѣмку у разнощика. Въ этомъ крошечномъ эскизѣ чрезвычайно много жизни, веселости, чувства и добродушія***).

Службою Павелъ Андреевичъ занимался старательно, хотя безъ особенной горячности. Зоркій глазъ—начало успѣховъ въ военномъ дѣлѣ—былъ ему лучшей помощью, давая возможность не только держать свою роту въ великомъ порядкѣ, но даже находить артистическую пріятность въ занятіяхъ довольно утомительныхъ для будущаго художника. Съ утреннихъ служебныхъ занятій Федотовъ почти всегда возвращался подмѣтивъ какую нибудь оригинальную подробность или характеристическую сцену. Маневры, съ дневками,

*) Федотовъ, говоря съ кѣмъ нибудь про Коршунова, называлъ его «мой слуга и другъ».

**) Эта прекраснѣйшая черта только и можетъ быть изображена живописцемъ, знающимъ нравы солдата до тонкости. Нашъ солдатъ добръ до чрезвычайности. Ницѣ являются въ его роту, и при ротѣ есть иногда нѣсколько собакъ, до прирѣвня ихъ ротую скитавшихся по улицамъ безъ хлѣба и надвора. Само собою разумѣется, что собака, нарисованная Федотовымъ, и молната и безобразна.

***) Въ спискѣ произведеній П. А. (см. ниже) этотъ рисунокъ значится принадлежащимъ Юзефовичу.